
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XV

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 90-летию юбилею монголоведа, преподавателя
Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Зои Кононовны Касьяненко

St. Petersburg
2015

Редакционная коллегия: доктор филол. наук И. В. Кульганек (председатель), доктор филол. наук Л. Г. Скородумова, доктор ист. наук Т. Д. Скрынникова, доктор ист. наук К. В. Орлова, канд. филол. наук Н. С. Яхонтова
Рецензенты: канд. филол. наук М. П. Петрова, доктор филол. наук С. Л. Невелева
Редактор английского текста выпуска: канд. филол. наук Д. А. Носов
Эл. адрес: kulgan@inbox.ru

Edited by: D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, D. S. (History) T. D. Skrynnikova,
D. S. (History) K. V. Orlova, Ph. D. (Philology) N. S. Yakhontova
Peer-reviewed by: Ph. D. (Philology) M. P. Petrova, D. S. (Philology) S. L. Neveleva
Editor of the English text: PhD (Philology) D. A. Nosov
e.mail: kulgan@inbox.ru

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Монголика-XV: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. — 104 с.

Пятнадцатый выпуск журнала «Mongolica» посвящен 90-летию юбилею крупного ученого, монголовед-языковеда, старейшего преподавателя Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Зои Кононовны Касьяненко, отдавшей преподавательской деятельности на кафедре монгольской филологии более пятидесяти лет. Выпуск имеет разделы: «Историография, источниковедение», «Литературоведение, фольклористика, лингвистика», «Рецензии», «Наши юбилеры», «Наши переводы». В журнал вошли статьи российских и зарубежных специалистов. Рецензии на новые книги и отчеты о проведенных научных мероприятиях по монголоведению увеличивают ценность выпуска. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение. Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The fifteenth edition of the «Mongolica» magazine is dedicated to the 90th anniversary of outstanding scientist, Mongolian linguist, the eldest professor of Oriental faculty of St. Petersburg State University, Zoya Kononovna Kasyanenko, who gave teaching at the department of Mongolian philology more than fifty years. This issue consists of the following parts: «Historiography and Source Studies», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews», «Our anniversaries», and «Our Translations». The articles are written by both distinguished scholars and young researchers in the field of Mongolian studies. Reviews of new books make the issue topical. The papers are written in keeping with the research priorities of modern Mongolian studies, with special regard to the matters of history and culture of the Mongolian ethnic groups, which gives the articles great social, historical and practical value. The issue will be of interest not only to scholars of Mongolian studies, but also to specialists in philology, history and culture, as well as to those interested in the history of Mongolian ethnic groups and Central Asia.

Литературный редактор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
Корректор — Т. Г. Бугакова

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 23.11.2015. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 печ. л. Заказ №

ISSN 2311-5939

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2015
© Институт восточных рукописей РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

А. В. Попов

Цинское законодательство XVIII—первой половины XIX в. об административном режиме халхаского участка русско-монгольской границы

В статье дана характеристика правовых норм, введенных властями империи Цин в XVIII—первой половине XIX в. в Северной (Халха) Монголии в целях установления административного режима границы с Россией. Автор приходит к выводу о том, что изучаемая им область права сформировалась под влиянием доктрин управления монгольскими территориями, свойственных цинской политической теории и практике в изучаемый период. Важным элементом этих доктрин был тезис об изоляции Монголии от внешних влияний с целью сохранения кочевого образа жизни монголов и их традиционной военной организации, которой цинские правители предназначали роль одной из опор их имперской власти. Вместе с тем действительная обстановка на русско-монгольской границе резко контрастировала с положениями цинских законов. Империи Цин не удалось создать административную систему, способную пресечь не контролируемые ее официальными властями контакты между населением приграничных российских и монгольских регионов.

Ключевые слова: Северная Монголия, Россия, империя Цин, русско-монгольские отношения, цинская доктрина управления монголами, граница между Россией и Монголией.

Проблема влияния государственных институтов империи Цин (в состав которой Северная (Халха) Монголия входила с конца XVII в. до 1911 г.) на развитие русско-монгольских отношений остается весьма актуальной в современной историографии. В работах отечественных и зарубежных исследователей можно найти подробные описания истории формирования русско-монгольских границ [Границы Китая, 2001; Мясников, 1996; Чимитдоржиев, 1987; Bergholts, 1993; Mancall, 1971; The Cambridge History of China, 2008]. Вместе с тем историческая наука еще далека от воссоздания целостной картины весьма существенных изменений, привнесенных политическим влиянием империи Цин в теорию и практику отношений между Россией и Монголией. К числу «белых пятен», которые до сих пор сохранились на этом полотне, относится, в частности, вопрос о режиме границы, разделявшей Россию и Монголию в XVIII—первой половине XIX в., в период, когда административная система, созданная империей Цин в халхаских аймаках и хошунах, еще не обнаружила признаков глубокого кризиса и распада.

Формированию правового режима границы с Россией, созданию обеспечивающих этот режим административных институтов и пограничной охраны правительство империи Цин уделяло неослабное внимание на всем протяжении рассматриваемого нами периода. Но особый акцент в пограничной политике цинского правительства был сделан на обустройстве того участка границы, к которому примы-

кали находившиеся под его властью кочевья северных (халха) монголов. Подобный выбор политических приоритетов был, безусловно, неслучаен и имел под собой глубокие основания. Приступая к их анализу, следует заметить, что Монголия — прежде всего Южная, но также и Северная — еще до окончательного завоевания Китая и образования империи Цин интересовала ее маньчжурских правителей не столько как объект прямой экспансии, сколько как возможный союзник (точнее — зависимый и подчиненный сателлит), способный содействовать в осуществлении планов строительства мощного централизованного государства. Последовательность и преемственность такого подхода маньчжурской правящей верхушки к «монгольским делам» обнаружилась и после воцарения в 1644 г. Цинской династии в Пекине. Завоеватели маньчжуры вскоре сделались ревностными почитателями традиционной китайской культуры и восприимчивыми китайской политической идеологии, включая и внешнеполитическую доктрину [Мартынов, 1978. С. 62, 63]. Северные монголы в соответствии с этой доктриной были занесены в разряд «внешних вассалов» («вай фань») правящей династии, на которых распространялись и соответствующие правила управления зависимыми территориями. В качестве примера можно привести следующие суждения, содержащиеся в «Обзрении территорий, располагающихся по западным и северным границам империи», представленном сановником Чэн Цзюйбэном императору Канси (годы прав-

ления: 1661—1723) и причисленном выдающимся цинским историком и географом Вэй Юанем к ряду образцовых докладов по вопросам управления: «Северная Монголия принадлежит к обширным землям, каковые удерживаются в страхе и повиновении священным могуществом императора и каковые склоняются перед ним в земном поклоне, располагаясь на границах в столь отдаленных местах, где небо смыкается с землею» [Хуан чао цзинши вэньбянь, 1826. Цз. 80. Л. 1а].

Стечение политических обстоятельств, сопряженных со становлением и развитием империи Цин в конце XVII—первой половине XIX в., побудило правителей последней надеть в отношениях с монголами маску «ревнителей интересов» дальних вассалов маньчжурской династии. Эти обстоятельства в общем сводились к тому, что цинские императоры после воцарения в Китае ощутили весьма насущную потребность в лояльности монголов, оказавших маньчжурской династии существенную военную помощь и политическую поддержку еще в первой половине и середине XVII в. во времена основателей династии Нурхаци и Хунтайцзы (Абахая). Центральным звеном цинской политики в отношении Халха-Монголии было стремление использовать северных монголов в качестве мощного щита, прикрывающего северные границы империи. Равным образом цинские власти видели в монголах вооруженную силу, способную сохранить под контролем маньчжурской династии при минимальных усилиях с ее стороны стратегически важную для империи Цин территорию Внешней Монголии. По этому поводу в одном из указов (1690) императора Канси говорится, например: «Еще со времен династии Цинь по северным границам Срединного государства из земли и камней воздвигали длинные крепостные стены. Что же касается нашей династии, то она простирает свои милости и добродетели на халхасцев, дабы поставить их на защиту и охрану наших северных рубежей. Сия защита будет гораздо крепче самых длинных крепостных стен» [Гонгор, 1964. С. 82]. Те же рассуждения составляют логическую канву многих сочинений по политическим вопросам, написанных советниками цинских императоров. Один из таких советников, Чэн Хуанчжун, обращаясь к императору Канси, писал: «Дабы нам не иметь чрезмерного числа войск, охраняющих северные границы, наверняка можно на сей предмет использовать в потребном количестве окраинных монголов, каковые живут в дали от границ Срединного государства во Внешней Монголии» [Хуан чао цзинши вэньбянь, 1826. Цз. 80. Л. 5а]. В другом докладе, принадлежащем кисти упомянутого выше Чэн Цзюйбэня, дана следующая оценка результатов, достигнутых цинской династией в «упорядочении» и «устройении» монголов под эгидой власти маньчжурской династии: «Внутри Срединного государства состоящие в знаменитых войсках монголы держат караул императорского за-

претного города, а на окраинах империи стоят охранной по самым дальним пределам. Вдоль и поперек эти земли простираются более чем на 10 тысяч ли. Более ста монгольских знамен служат защитой столь обширных земель, каковых искони не имелось под властью Сына Неба» [Хуан чао цзинши вэньбянь, 1826. Цз. 80. Л. 3а].

Вместе с тем иноэтнической династии, взошедшей на императорский трон в Пекине силой оружия, необходима была дополнительная опора внутри подвластной ей огромной страны. Поэтому политика превращения монголов в «пограничную стену» имела и четкую внутривластную ориентацию. В одном из указов, изданных в середине XVII в. регентским советом империи Цин от имени малолетнего императора Шуньчжи, сказано: «В случае смут и беспокойства среди внешних вассалов царствующего дома может разрушиться наша пограничная защитная стена. Сие может вызвать расстройство порядка в наших приграничных уделах. Если на границах даже и один день будет неспокойно, то и народ, населяющий внутренние земли государства, в этот день не познает спокойствия и умиротворения» [Чжао Юньтянь, 1982. С. 244].

Кроме того, цинское правительство нуждалось в активной и боеспособной вооруженной силе для проведения активной внешней политики. Маньчжурские власти предпринимали в этом направлении вполне последовательные действия: от использования монгольских контингентов в составе армий, участвующих в войнах и вооруженных конфликтах, до регулярного обучения монголов воинским наукам. Впрочем, подобные меры отнюдь не были продиктованы стремлением увеличить военно-политическую мощь монгольских аймаков. Их цель была гораздо скромнее и состояла в том, чтобы не дать прийти в упадок военной организации монголов, традиционно устроенной по принципу «каждый мужчина — воин» и потому не требующей от государственной казны особых затрат.

Таким образом, изучение принципов «мироустроительного» подхода к управлению Монголией, сформулированных маньчжурской династией в конце XVII—начале XIX в., невозможно вне контекста, заданного цинской теорией государственного строительства, согласно которой монголов следовало использовать в качестве опоры для императорского трона, привлечь на службу и превратить в постоянно боеготовую, способную к самообеспечению, преданную императору и вместе с тем подконтрольную ему вооруженную силу. Именно эти обстоятельства, наряду со стремлением утвердить свою власть в регионах, населенных монголами, служило идейным стержнем цинской доктрины управления Халхой и в конечном счете определило смысл пограничной политики, которую цинские власти проводили в отношениях с Россией.

Порядок территориального размежевания между Российской империей и империей Цин и правила,

регулирующие режим границы, начали формироваться в первой четверти XVIII в. При этом цинские власти, в чьих политических расчетах монголам отводилась немаловажная роль, значительно раньше, чем русская сторона, столкнулись с необходимостью создания собственной правовой и административной системы, которая должна была изолировать Северную Монголию от русского влияния и исключить для всех социальных и этнических групп ее населения возможность сохранять самостоятельные, не согласованные с пекинскими административными инстанциями контакты с соседним государством. Поэтому в адресованных северным монголам указах цинских императоров, изданных в конце XVII—начале XVIII в., содержались установления о предании смерти всех без исключения монгольских князей и простолюдинов, отважившихся на побег в Россию [Циньдин Дай Цин хуэйдянь цзэли, 1748. Цз. 140. Л. 646—65а]. В XVIII—XIX вв. подобные установления стали непременной составной частью сборников цинских законов, предназначенных для Монголии, с той лишь разницей, что в этих сборниках беглецам, которые не оказывали сопротивления при аресте, взамен казни назначалось наказание битьем ташуром (бамбуковой палкой) с последующим препровождением к прежнему месту жительства [yada-yatu mongyol-un tögrö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bicig, 1989. С. 667]. В 1720-е гг. халхасцам было запрещено по собственной воле, без надлежащего разрешения властей, торговать с русскими подданными, а равно и заключать с ними кредитные соглашения.

Местные монгольские власти в начале XVIII в. вряд ли могли быть надежным гарантом соблюдения подобных законоположений. Впрочем, цинское правительство на них особо и не рассчитывало, поскольку в начале 1720-х гг. возложило ответственность за постоянный контроль над ситуацией на русско-халхаской границе на командование маньчжурских войск, находившихся в Северной Монголии на случай войны с Джунгарским ханством. Одновременно в приграничных районах на севере Монголии появились цинские караулы, к службе в которых привлекались рядовые монголы, состоявшие под началом своих князей и маньчжурских чиновников [Позднеев, 1883. С. 361].

Вхождение Северной Монголии в состав империи Цин обрело международно-правовые гарантии в 1727 г. после заключения между Россией и Цинским Китаем Буриинского и Кяхтинского договоров. Результатом утвержденной этими договорами демаркации межгосударственных рубежей стало территориальное размежевание, которое было проведено от сопки Абагайту на востоке до перевала Шабиндабага в Саянских горах на западе таким образом, что северомонгольские земли оказались по цинскую сторону границы. В силу постановлений Буриинского трактата были образованы две смешанные россий-

ско-китайские разграничительные комиссии. Они произвели демаркацию границы, нанесли граничную линию на карты («чертежи») и составили описание пограничных знаков («Реестр пограничным маякам») [Границы Китая, 2001. С. 90]. Пределы территории двух государств были обозначены 24 пограничными знаками-маяками, выполненными в виде каменных насыпей. В цинской официальной терминологии этим знакам было присвоено монгольское наименование «обо»¹. Их число явно не соответствовало огромной протяженности халхаского участка границы между Россией и империей Цин. Но осуществить более детальную демаркацию межгосударственных рубежей разграничительные комиссии не смогли из-за труднопроходимого горного рельефа местности.

В терминах Буриинского и Кяхтинского трактатов российская и цинская стороны подтвердили положения заключенного ими ранее (в 1689 г.) Нерчинского договора; согласно этим положениям, официально не санкционированный переход межгосударственных рубежей объявлялся незаконным, перебежчики подлежали аресту, после чего их следовало возвращать пограничным властям сопредельного государства. В торговых отношениях с Россией монголы обязаны были руководствоваться правилами, установленными для подданных Цинской империи. «Частное» пребывание халхаских торговцев на русской территории, а русских купцов — в северомонгольских кочевьях условиями Кяхтинского и Буриинского договоров не предусматривалось. Впрочем, договоры с трехлетней периодичностью разрешали проход через Ургу русских коммерческих караванов, направлявшихся в Пекин. Что касается беспешинной приграничной торговли, то для нее были открыты два постоянных рынка — в Кяхте и в Цурухайту. Туда для надзора за соблюдением согласованных торговых правил стороны обязались направить своих официальных представителей [Русско-китайские отношения в XVIII в., 1978. С. 21, 22].

Вслед за демаркацией халхаского участка государственной границы Россия и Цинский Китай приступили к ее окончательному административному

¹ Обо (монг. обою) — пограничный знак, представлявший собой каменную насыпь высотой 1,5—2,0 м, наверху которой иногда крепилась деревянная табличка с указанием, для чего данный знак поставлен. В ходе демаркации халхаского участка границы между Россией и империей Цин «из опасения, что „какие люди воровски“ перенесут пограничные маяки в другое место, участники разграничительной комиссии, „написав билеты по-русски и по-мунгальски на бумаге, закрепя в дерево между пограничных знаков“, в землю тайно зарывали». В этих «билетах» были указаны место установления пограничных знаков и их номер [Границы Китая, 2001. С. 90]. Что же касается монгольского термина «обо», то он чаще употребляется в ином значении, не как пограничный знак, а как ритуальная насыпь из камней.

обустройству. Прежде всего речь идет о формировании обеими сторонами пограничной охраны. Как уже говорилось, цинские власти отрядили монгольские караулы в приграничные районы в начале XVIII в., еще до точного определения межгосударственных рубежей. С 1733 г. надзор за положением дел на монгольском участке границы с Россией был отнесен к сфере ответственности цинского военного губернатора (цзянцзюня) в Улясутае², а непосредственное управление пограничной стражей было поручено монгольским князьям, исполнявшим должности старшин халхаских аймачных сеймов. Окончательно же цинская система военно-административного контроля над режимом границы в Северной Монголии сложилась в середине XVIII в., после завершения войн с Джунгарским ханством. С учреждением должности наместника (амбана) в Их Хурээ (Урге)³ обязанности по претворению в жизнь пограничной политики империи Цин в Халхе перешли в сферу ответственности подчиненного ему административного аппарата [Содномдагва, 1961. С. 36]. Поскольку фундаментальным постулатом этой политики была идея изоляции монголов от любых не контролируемых цинскими властями связей с Россией, постольку в круг служебных обязанностей ургинского амбана в числе основных были включены функции по обеспечению охраны границ Северной Монголии [Содномдагва, 1961. С. 35].

² Должность генерал-губернатора (цзянцзюня) в Улясутае была учреждена в 1733 г. указом императора Юнчжэна [Позднеев, 1883. С. 165, 360]. Ее официальное наименование — «ведущий западным направлением помощник главнокомандующего, водворяющий надлежащее устройство на пограничных территориях» (по-китайски: 烏里雅蘇台定邊左副將軍, по-монгольски: *kijayaḡ dakin-i toyṡayaḡci jegün eteged-ün tusalayaḡci jangjün*). Занимавший эту должность сановник ведал военно-административными делами во Внешней Монголии и контролировал деятельность властей двух западных аймаков Халхи — Дзасактуханского и Сайннионханского. До середины 1750-х гг. кандидаты на пост улясутайского генерал-губернатора выбирались среди представителей высшей халхаской аристократии, но затем назначения производились исключительно из числа знаменитых маньчжур.

³ Должность амбана в Урге была учреждена в 1751 г. указом императора Цяньлуна [Bat-Ochir Bold, 2001. P. 101]. Ей соответствовал официальный титул «назначенный высочайшим указом полномочный сановник, имеющий место пребывания в Да Хурээ» (*кит.*: 欽定庫倫辦事大臣, *монг.*: *jarliḡ-yar jaruṡsan hürien-dür següjü hereḡ siytgegci saiyd*). Первоначально этот титул присваивался двум сановникам — монголу, который назначался из числа высокопоставленных халхаских владетельных князей, и маньчжур. До 1761 г. старшим из них считался первый, но затем приоритет в принятии решений был отдан последнему [Содномдагва, 1961. С. 33, 34]. Что касается монгольского сановника, то он с этого времени стал именоваться помощником амбана (*kebei amban*, или 幫辦大臣). При этом его монгольский официальный титул был сохранен в прежнем виде [Бруннерт, Гагельстром, 1910. С. 379].

ных задач должна была способствовать особая административная структура. Ее основу на халхаском участке границы составляли 47 караулов, сформированных из монгольских чиновников и цириков (солдат)⁴. Управление караулами было поручено нескольким должностным лицам, подчиненным наместнику в Урге. К их числу относился аудитор⁵, служивший по ведомству Лифаньюань⁶, который исполнял должность пограничного комиссара и отвечал за соблюдение порядка трансграничной торговли с Россией. Помимо этого сановника, назначавшегося, как правило, из знаменитых маньчжур, к управлению пограничной стражей привлекались и многочисленные халхаские князья и чиновники. Последние, впрочем, направлялись на границу не на постоянной основе, а временно, сроком от одного до трех лет, по установленной очереди в порядке их мобилизации на службу в цинском военно-административном аппарате.

Каждым пограничным караулом, состоявшим из 20—30 рядовых-цириков, командовал начальник-монгол, состоявший в «нижних чинах»⁷. Караульными дистанциями, сформированными из 5—6 подразделений, заведовали халхаские служилые люди более высоких рангов⁸. Над ними начальствовали князья-правители хошунов, которые также имели обязательства перед цинским императором по несению очередной службы в пограничной охране. Помимо того, представители монгольской знати исполняли различные поручения в рамках проводимых цинскими властями на границах инспекционных мероприятий. Ежегодно с этой целью от каждого из четырех халхаских аймаков на русскую границу выезжали по два владетельных князя, обладавших опытом в административных делах. На них возлагалось участие в проверочных комиссиях, которые по указанию пограничного комиссара (а иногда во главе с

⁴ По-монгольски — *цэрэг*; *cerег*, по-китайски — 兵丁.

⁵ Монгольское название этой должности — *жуḡан-и janggin* (*јаḡаḡи*), китайское — 司官. Она была учреждена в 1727 г. указом императора Юнчжэна. Первоначально кяхтинский дзангин находился в непосредственном подчинении у пекинских властей, но с 1777 г. он был причислен к аппарату наместника в Урге [Bat-Ochir Bold 2001 P. 101].

⁶ Лифаньюань (理藩院) — в переводе с китайского: «Палата по делам управления вассальными и зависимыми территориями». Монгольское название — *ṡadaṡatu mongyol-un töḡö-yi jasaḡu yabudal-un yamun* («Палата по делам управления Внешней Монголией»). Подразделение центрального правительственного аппарата империи Цин, которому был поручен надзор за положением дел во Внешней Монголии, Синьцзяне и Тибете.

⁷ Наименование рангов, присвоенных данной категории чиновников, — дзангин (*монг.*: *занги*; *janggin*, *кит.*: 佐領), орлон хоогч (*монг.*: *орлон хөөгч*; *orolan högegci*, *кит.*: 驍騎校) или хундуй (*монг.*: *хүнд*; *hündüi*, *кит.*: 領催).

⁸ Речь идет о чиновниках в ранге мэйрэнов (*монг.*: *мэйрэн*, *meiyren*, *кит.*: 副塔统) или дзаланов (*монг.*: *залан*; *jalang*, *кит.*: 参领).

ним) совершали регулярные контрольные объезды сторожевых постов [Насанбалжир, 1958. С. 120, 121].

Порядок службы монголов на границе с Россией определялся цинским уставом караульной службы. Наиболее важные его положения были введены в действие в конце XVII в. указами императора Канси еще до того, как халхаские аймаки и хошуны вошли в состав империи Цин. В дальнейшем с определенными изменениями и дополнениями пункты караульного устава вошли составной частью в собрания цинских законодательных актов, предназначенных для управления Монголией⁹. Первый из таких указов был издан в 1674 г. Он, в частности, устанавливал ответственность личного состава пограничной стражи за различные упущения по службе. Так, при отсутствии караулов на территориях, подлежащих охране и обороне, начальствующих над такими караулами чиновников следовало отрешать от должностей и штрафовать, соответственно, двумя и тремя девятками¹⁰ скота. Что касается рядовых стражников, то их в подобных случаях положено было сечь плетью, дав каждому по сто ударов. За самовольное оставление сторожевого поста упомянутые чиновники подлежали лишению чинов и рангов, а рядовые пограничники — телесным наказаниям в 80 ударов плетью. Равным образом, личный состав караулов нес ответственность за наличие положенного по штату вооружения и снаряжения и за его исправность. Кары за нарушение этих требований караульного устава были весьма суровы: командный состав подвергался штрафам в размере двух девятков скота,

⁹ К их числу прежде всего относится изданный в 1789 г. свод законов «Мэнгу люйли» (蒙古律例). Современное издание его текста вышло в свет в КНР в 1988 г. под редакцией Лу Ижана и Ма Дачжэна [Мэнгу люйли, 1988]. Положения о караулах см.: цз. 5, л. 86. Перевод «Мэнгу люйли» с китайского языка на русский был выполнен в 1828 г. Н. Я. Бичуриным [Бичурин, 1828]. Интерпретирующие нас статьи см.: т. 2, с. 269, 270. Статьи о монгольской пограничной охране содержатся и в более позднем кодексе цинских законов — «Уложении Лифаньюань» (钦定理藩院则例). В общей сложности существует пять редакций «Уложения» [Atwood, 2004. P. 334]. Сводный текст первой и второй (соответственно, 1817 и 1826 гг.) был опубликован в современной монгольской графике в КНР под редакцией Алтаноргила [yadaγatu mongyol-un tögö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bicig, 1989]. В этом тексте статьи о караулах см.: с. 563. Переводчиком первой редакции «Уложения» на русский язык является маньчжуровед С. П. Липовцов [Липовцов, 1828]. В его работе пункты караульного устава см.: т. 1, с. 69—70. Адресованные монголам установления о пограничной службе содержал и основной свод законов империи Цин «Дай Цин хуэйдянь» (大清会典) [Цин дай Лифаньюань цзыляо цзилу, 1988. С. 9].

¹⁰ «В девяток входят 2 лошади, 2 вола, 2 коровы, 2 трехгодовалых бычка и 1 двухгодовалый... Сверх сего каждый преступник обязан еще дать одного трехгодовалого бычка тому, кто взыскивает штрафной скот» [Липовцов, 1828. Т. 2. С. 132, 133].

а рядовые получали по 80 плетей [Циньдин Дай Цин хуэйдянь цзэли, 1748. Цз. 140. Л. 616].

Двумя годами позже император Канси обязал пограничных стражников со всевозможным тщанием и упорством отстаивать вверенные им под охрану рубежи и принимать действенные меры к их нарушителям. Посвященный этому императорский указ, в частности, гласил: «В случае если преступники пройдут через линию караулов, совершат покражу скота, людей, пустившихся преследовать их, убьют, а посланные в погоню [за таковыми преступниками] рядовые стражники отступят без боя, то помянутых стражников надлежит сечь плетью — по сто ударов каждому и оштрафовать тремя девятками скота. Конфискованный скот следует отдать родственникам убитых» [Циньдин Дай Цин хуэйдянь цзэли, 1748. Цз. 140. Л. 616].

Через пять лет, в 1681 г., приведенные выше правила несения караульной службы были дополнены новыми пунктами. В соответствии с ними начальники караульных дистанций (дзаланы) подлежали увольнению от должности в случае, если они не обеспечили расстановку подчиненного им личного состава на всех подлежащих охране сторожевых постах [Циньдин Дай Цин хуэйдянь цзэли, 1748. Цз. 140. Л. 62а].

Вместе с тем следует заметить, что угроза применения достаточно суровых наказаний к нарушителям служебного регламента была не единственным методом, посредством которого цинское законодательство воздействовало на монголов, охранявших границу с Россией. Караульные чиновники и стражники, явившие примеры добросовестного отношения к своим обязанностям, могли рассчитывать на награды и поощрения. В реестрах распределения казенных повинностей по четырем халхаским аймакам содержатся сведения о том, что в первой половине XIX в. за трехлетнее безупречное несение службы рядовых цириков премировали отрезами тканей, прессованным («кирпичным») чаем и табаком. Что касается чиновников, то за аналогичные заслуги в их послужные списки вносились отметки об особых отличиях. Тех же караульных командиров и начальников, чья карьера в течение пяти лет не была омрачена взысканиями, вне очереди возводили в более высокие ранги и повышали в должности [dörben ayimaγ-ün alba tegsitgegsen dangs-a, 1962. С. 30].

Цинские власти внесли необходимый им элемент регулярности не только в организацию охраны монгольского участка границы с Россией, но и в наделение приграничных территорий особым правовым и административным статусом. Каждому караулу был передан под надзор определенный участок таких территорий протяженностью до полусотни километров по фронту и до 20 километров в глубину. «Партикулярному» халхаскому населению, не имевшему отношения к караульной службе, было запрещено появляться в этой пограничной полосе [Циньдин Дай Цин хуэйдянь цзэли, 1748. Цз. 142. Л. 366]. Помимо

этого, с 1727 г. между территорией северомонгольских аймаков и полосой караульных земель была установлена довольно широкая запретная зона, доступ в пределы которой для монгольских скотоводов был также закрыт. Впрочем, в 1758 г., после того как территория Джунгарского ханства вошла в состав империи Цин, император Цяньлун (годы правления: 1736—1795) «соизволил устно указать: ныне за пределами Великой стены никаких смут и беспокойств более не происходит. Если теперь продлить халхаские кочевья вплоть до пограничных караулов, то сие принесет всеобщую пользу. Пусть же халхасцы впредь кочуют в прежде запрещенных для доступа землях, избирая места, обильные травой и водою» [Шархуу, 1975. С. 132]. Впрочем, одновременно император Цяньлун издал указ об учреждении в пограничных хошунах Халхи внутренней охраны, надзирающей за тыловыми рубежами караульных земель [Шархуу, 1975. С. 133].

Цинские власти достаточно последовательно и строго следили за тем, чтобы население монгольских хошунов не вторгалось в пределы караулов и не смешивалось с пограничными стражниками. При необходимости они строгими указами и жесткими административными мерами напоминали соответствующим должностным лицам и жителям приграничных местностей об установленном государством статусе караульных земель. Одно из таких распоряжений было издано в 1827 г. цинским наместником в Урге. В распоряжении речь шла о том, что «аратов из халхаских хошунов, расположенных вблизи 49 халхаских пограничных караулов, установленных по обе стороны от Кяхты (на границе с Россией. — *А. П.*), запрещается допускать на территорию караулов и позволять им кочевать вперемешку с их личным составом. Посему издавна от хошунов, находящихся вблизи караулов, наряжались для охраны рубежей между хошунами и караулами тайджи¹¹, чиновники и конные латники. Однако вследствие того, что на протяжении многих лет на упомянутых границах не возникло никаких серьезных происшествий и споров, несущие караульную службу стали манкировать своими обязанностями, а хошунные тайджи и араты начали кочевать вперемешку с аратами, несущими караульную службу. Однако же никоим образом нельзя допускать того, чтобы хошунные обыватели нарушали границы караульных земель, мало-помалу переходили их и воровски занимались в пределах караулов охотничьим промыслом, искали там свой потерявшийся скот и пр. Посему необходимо правителям хошунов, размещающихся по внутренней границе караульных земель, по всей строгости приказать: отныне и впредь со всевозмож-

ным тщанием охранять сию границу и неусыпно надзирать за нею» [Шархуу, 1975. С. 129].

При любом изменении разграничительной линии между землями хошунов и караулов цинские власти старались принять тщательнейшие меры к тому, чтобы наглухо закрыть перенесенные на новое место тыловые рубежи запретных приграничных территорий. Подтверждают сказанное монгольские официальные документы интересующего нас периода. Один из таких документов повествует о крупном конфликте из-за пастбищ, который произошел в 1825 г. между пограничными с Россией караулами, с одной стороны, и хошуном дзасак-тайджи Минжуурдоржи из Сэцэнханского аймака Халхи — с другой. Посланный по распоряжению ургинского амбана старшина аймачного сейма сэцэн-хан Артасэд «к обоюдному согласию и удовлетворению» спорящих сторон произвел новое разделение территорий хошунов и караулов, «добавив земли караулам там, где они были стеснены отсутствием кочевий, и сократив их кочевья в тех местах, где они были чересчур обширны» [Шархуу, 1975. С. 135]. При этом сэцэн-хан доносил амбану, что для восстановления административного режима новой разграничительной линии по ней следует в согласованных местах установить 21 порубежный знак (обо). «Караульным аратам, — продолжал сэцэн-хан, — следует запретить переходить за вновь установленные знаки обо и кочевать за их пределами. Что же касается аратов из хошуна дзасака Минжуурдоржи, то мною им запрещено приближаться к местам расположения разграничительных знаков и указано кочевать от них на некотором расстоянии... Поскольку сия важная граница на всем ее протяжении не может оставаться без охраны, постольку из хошуна дзасака Минжуурдоржи надлежит отрядить способных и благонадежных высших, низших чиновников и аратов, каковым поручить охрану пограничной линии между хошуном и караулами, дабы пресекался всякий переход данной линии и прилегающие к ней кочевья очищались [от тех, кому здесь пребывать не положено]» [Шархуу, 1975. С. 135].

Период, на который халхаские чиновники и црики привлекались к исполнению караульной службы на границе с Россией, составлял, в зависимости от характера их должностных обязанностей, от года до трех лет. Замена выслуживших положенные сроки пограничных стражников каждый год производилась в середине лета. Непосредственную ответственность за правильную и своевременную ротацию личного состава караулов несло особое административное подразделение, подчиненное Ургинскому амбану и именовавшееся «суурин жасаа»¹². Оно не

¹¹ Тайджи (монг.: *taiji*; кит.: 台吉) — носители низших аристократических достоинств и рангов знатности, которые привлекались цинскими властями к государственной службе в качестве чиновников в монгольском военно-административном аппарате.

¹² По-монгольски — суурин жасаа; *suuri-yin jisasi-a*. Канцелярия, выполнявшая роль представительства четырех аймаков Халхи при ведомстве цинского наместника в Их Хурээ. Ее персонал нес различные службы при этом ведомстве и контролировал население соответствующих аймаков, временно пребывавшее в окрестностях Урги.

имело постоянного штата и комплектовалось чиновниками и канцеляристами, направлявшимися от двух восточных аймаков Халхи (Тушетуханского и Сэцэнханского) на очередную службу в Ургу сроком на три месяца. Персонал суурийн жасаа во второй половине XVIII в. состоял из одного чиновника и одного писаря-канцеляриста, но затем был увеличен вдвое [Содномдагва, 1961. С. 36]. В обязанности этих должностных лиц в числе прочего входил надзор за прибытием мобилизованных в караулы военнообязанных монголов из хошунов, где они постоянно проживали, к местам несения государственной службы, а также за снабжением и материальным обеспечением караульных команд. Помимо этого чиновники суурин жасаа отвечали за то, чтобы выслужившие положенный срок стражники после демобилизации покидали приграничные территории и отправлялись в родные кочевья. При этом служба по охране границы с Россией по числу привлекавшихся к ее несению военнообязанных монголов среди всех видов цинских повинностей, исполнение которых было вменено в обязанность четырем аймакам Халхи, уступала лишь уртонной (ямской). Судя по материалам реестров распределения таких повинностей, в 1773 г. штатная численность интересующих нас пограничных караулов составила 1249 рядовых стражников и начальствующих над ними чиновников. Для сравнения упомянем о том, что к несению ямской службы, требовавшей весьма значительных трудовых и материальных затрат, цинские власти в том же 1773 г. привлекли 2322 халхаских цирика и чиновника [Насанбалжир, 1958. С. 169]. По прошествии более чем полувека, в 1829 г., при уравнении казенных повинностей по четырем халхаским аймакам личный состав пограничной стражи остался прежним, а персонал почтовых станций был сокращен до 2042 человек [dörben ayimaγ-ün alba tegšitgegsen dangs-a, 1962. С. 29, 30].

Следует заметить, что караульная повинность на русской границе исполнялась рядовыми монголами «на свой кошт», для чего к местам службы вместе с цириком перемещалось и его семейство со всем имуществом и скотом. Отсюда возникло название гэр харуул¹³ («семейные караулы»), закрепившееся в монгольской административной практике XVIII—XIX вв. за пограничной стражей на границе с Россией [Насанбалжир, 1958. С. 120]. Согласно положениям цинских законов, власти халхаских аймаков обязаны были комплектовать караульные команды на русской границе молодыми, хорошо обученными верховой езде и стрельбе из лука цириками, вооруженными и оснащенными в соответствии с официально установленными нормами. В частности, для стражников был определен имущественный ценз, который предписывал каждому из них обеспечить использование для нужд казенной службы 5—10

годных к ее несению верховых лошадей [Нацагдорж, 1963. С. 169].

Обязанность по охране границы с Россией в цинский период для северных монголов была весьма обременительным видом фискального обложения. Администрация каждого из четырех аймаков Халхи несла перед пекинскими властями определенную долю ответственности за комплектование пограничной стражи личным составом и за ее ресурсное обеспечение. По установленным правилам, в мобилизационные планы, исполняемые западными аймаками Халхи (Дзасакутханским и Сайннойонханским), входило формирование 19 караулов, расположенных к западу от Кяхты. Выходцы из восточнохалхаских аймаков (Сэцэнханского и Тушетуханского) направлялись на службу в 28 караулов, охранявших восточный сектор границы между Северной Монголией и Россией. При этом, в соответствии с порядком равного распределения фискальной нагрузки применительно к численности податного и военнообязанного населения, в 1829—1834 гг. перечисленные выше аймаки обязаны были отрядить на русскую границу, соответственно, 124, 209, 276 и 621 рядового. Что касается командного состава пограничной стражи, то за его комплектование в основном (за исключением двух штатных единиц) отвечали восточные аймаки Халхи [dörben ayimaγ-ün alba tegšitgegsen dangs-a, 1962. С. 29, 30].

Снабжение всем необходимым служилых людей, направленных на русскую границу, и восполнение в табельном имуществе или снаряжении убыли, которая могла произойти в ходе несения ими караульной повинности, являлось весьма нелегкой заботой властей северомонгольских аймаков. Ежегодные материальные затраты, необходимые для удовлетворения всех связанных с этим надобностей, по подсчетам монгольского историка Ц. Насанбалжира, в середине 50-х гг. XIX в. были эквивалентны денежной сумме в 110 тыс. серебряных ланов¹⁴ [Насанбалжир, 1958. С. 125]. Вместе с тем «гэр харуул» были лишены даже минимальных субсидий из централизованных государственных фондов, которыми обеспечивались, например, караулы, охранявшие границу Внешней Монголии с Джунгарским ханством (а после его разгрома — с Синьцзяном)¹⁵. В таких обстоятельствах правители халхаских аймаков и хошунов в конце XVIII в. вынуждены были ввести на подведомственной им территории специальные натуральные налоги, с помощью которых свободное от исполнения го-

¹⁴ Для сравнения приведем значения средних рыночных цен на скот во Внешней Монголии в конце 40-х гг. XIX в.: верблюд — 20 ланов, трехгодовалый баран — 4,5 лана, овца — 0,8 лана, лошадь — 16 ланов [sayisiyaltu irügelü-yin yurbaduγaar on. Л. 496].

¹⁵ Каждому монгольскому рядовому цирiku или чиновнику низшего ранга, служившему на алтайской караульной линии, ежегодно выплачивалось жалованье в размере от 10 до 25 ланов [Насанбалжир, 1958. С. 170].

¹³ Г э р, монг. (ger) — 'юрта', 'дом' или 'семья'.

сударственных повинностей население субсидировало своих земляков, направленных на очередную службу в караулы на границе с Россией (а равно и в иные цинские военно-административные структуры). Впрочем, эффективность этих усилий вряд ли была высокой. В официальных документах, относящихся к интересующему нас периоду, в немалом числе содержатся сообщения о том, что многие монголы за время пребывания в составе пограничной стражи нищали настолько, что совершенно лишались средств к существованию [Насанбалжир, 1958. С. 123, 124].

Следует заметить, что правительство Российской империи при формировании системы охраны халхаского участка государственной границы не проявляло той степени активности и оперативности, каковой в этой сфере отличались цинские власти. С русской стороны караулы (общим числом 15) на этом участке границы были «учреждены вновь» в 1727 г. после его демаркации в соответствии с Буринским договором [Границы Китая, 2001. С. 90, 91]. Окончательно же линия русских пограничных аванпостов была выстроена лишь к исходу XVIII в. Она состояла из 6 крепостей, 62 караулов и 14 пикетов, в которых вместе с регулярными воинскими гарнизонами несли службу забайкальские казаки, а также состоявшие на казенном довольствии бурятские и эвенкийские дружины. Для управления пограничными делами была учреждена должность специального селенгинского комиссара. В 1783 г. ему на смену пришла пограничная канцелярия в Кяхте [Чимитдоржиев, 1987. С. 89].

В XVIII—первой половине XIX в. между русскими и цинским пограничными и таможенными властями установились постоянные и в целом довольно мирные отношения. Чиновники с обеих сторон практиковали регулярные официальные переговоры, совершали совместные объезды приграничных территорий, участвовали в комиссиях, расследовавших преступления, разбиравших судебные тяжбы и споры [Маланова, 2013. С. 323, 324; Чимитдоржиев, 1987. С. 89, 90, 98]. Достаточно мирные контакты русских и цинских пограничных властей в Халхе явились вполне естественным следствием смягчения политических противоречий между Россией и империей Цин, последовавшего за подписанием Кяхтинского и Буринского договоров. Ни Северная Монголия, ни прилегавшие к ней регионы в тот период не являлись «яблоком раздора» во взаимоотношениях между двумя державами. Впрочем, обоюдное нежелание сторон вступать друг с другом в военные и политические конфликты не исключало постоянной взаимной настороженности и подозрительности, неизбежно приводившей к спорам и противоречиям. Предметом довольно острых дискуссий между русскими и цинскими пограничными властями становились проблемы статуса беженцев, торговые правила и т. д. Но подобные споры по инициативе централь-

ных властей обоих государств обычно завершались дипломатическим компромиссом [Россия и Восток, 2000. С. 325].

Вместе с тем система охраны пограничных рубежей и таможенного контроля, созданная в середине XVIII в. Россией и Цинским Китаем, отнюдь не исключала продолжения и даже развития не санкционированных властями связей между населением, проживавшим на русской и халхаской сторонах границы. Сведения, содержащиеся в источниках и исторической литературе, позволяют утверждать, что в поле зрения пограничных чиновников попадала лишь небольшая часть различных повседневных контактов между населявшими приграничье русскими, монголами, бурятами, эвенками. Речь идет прежде всего о мелкой торговле, осуществлявшейся в не разрешенных властями местах, без надлежащей регистрации торговцев и без уплаты пошлин и сборов. Впрочем, значение русско-монгольской границы как основного, стратегически важного центра экономических связей между Россией и Цинским Китаем определялось, конечно, не «мелочным (преимущественно меновым) торгом», а масштабной оптовой торговлей. В интересующий нас период в Кяхте можно было встретить крупных коммерсантов из разных регионов России, из многих китайских провинций и даже из Восточного Туркестана и Средней Азии. Сферой их деятельности были поставки китайского чая в Россию и русских промышленных товаров и продовольствия в Китай и Монголию. Во второй половине XVIII в. обороты кяхтинских рынков составляли 67,6 % от общего объема русско-азиатской торговли и 7—8 % всего внешнеторгового оборота Российской империи [Старцев, 2004. С. 5]. Неудивительно поэтому, что с середины XVIII в. вне кяхтинских рынков происходила и контрабандная оптовая торговля, в которой, помимо русских и монголов, участвовали китайцы. Крупное и среднее купечество таким образом пыталось избежать многочисленных официальных запретов, мздоимства чиновников и ограничений на ввоз или вывоз определенных категорий товаров. Например, цинские власти в конце XVIII в. запретили импорт в Халху изделий из железа из опасения, что монголы смогут наладить их бесконтрольную переплавку в холодное оружие. Причем разнообразные административные рестрикции в интересующий нас период были скорее правилом, чем исключением в подходе пекинского правительства к практическому применению условий Кяхтинского и Буринского трактатов об экономических связях с Россией. Цинские власти чинили препятствия не только расширению русской торговли в Китае и Монголии, но и налаживанию деловых контактов русского купечества с китайским и особенно с монгольским населением [Старцев, 2004. С. 5; Хохлов, 1983. С. 32]. Впрочем, и русское правительство в середине XVIII и начале XIX в. принимало меры, ограничивающие свободную торговлю сибирского населения с монголами [Чимитдоржиев, 1987. С. 90, 99].

Безусловно, охранявшие границу караулы представляли собой известный барьер на пути свободно-го пересечения межгосударственных рубежей и перемещения через них товаров, но объективно они не могли исключить систематических нарушений пограничного режима. Для надежного прикрытия весьма протяженного (около 2700 км) халхаского участка границы стражников с обеих сторон было ничтожно мало. К тому же зачастую они не отличались особым служебным рвением. Контрабанде с обеих сторон нередко потворствовали чиновники (порой весьма высокопоставленные), о чем свидетельствуют периодически возбуждавшиеся против них в России и Цинском Китае судебные и следственные дела [Чимитдоржиев, 1987. С. 92; Россия и Восток, 2000. С. 326]. Незаконной трансграничной торговлей часто, правда в меньших масштабах, чем их начальники, занимались младшие командиры и рядовые стражники, служившие в караулах, на заставах и в пикетах [Нацагдорж, 1963. С. 169; Певцов, 2015. С. 69; Чимитдоржиев, 1987. С. 102]. О систематическом же контроле русского и цинского пограничного начальства за положением дел в отдаленных гарнизонах и командах в тех условиях не могло быть и речи. Во всяком случае, очевидно, что обе линии караулов задерживали далеко не всех незаконных мигрантов. В рассматриваемый период приграничное население, и русское и монгольское, не встречая противодействия властей, нередко занималось выпасом скота, ловлей рыбы, земледелием, торговлей или иной хозяйственной деятельностью на территории сопредельного государства. Иногда на этой почве возникали конфликты, но чаще местные жители терпимо относились к пришельцам. По сообщениям источников, собранным Ш. Б. Чимитдоржиевым, приграничное население не испытывало особых трудностей во взаимном общении: нередко русские сносно объяснялись по-монгольски, а многие монголы владели русской речью [Чимитдоржиев, 1987. С. 97]. Это свидетельствует о существовании между ними достаточно регулярных контактов, выходивших за рамки ограничений, установленных цинскими законами и действовавшими в то время русско-китайскими соглашениями.

Что касается беженцев, пересекавших границу без намерения вернуться обратно, то их поток, как и передвижения временных мигрантов, имел двустороннюю направленность, а интенсивность безвозвратного бегства вполне очевидно зависела от реалий политической ситуации как в России, так и в империи Цин. Из русских пределов в Халху, игнорируя официальные запреты, переселялись крестьяне-староверы, преследуемые духовными и светскими властями, беглые крепостные, считавшиеся «в нетях», политические ссыльные и т. д. [История МНР, 1983. С. 241]. Если говорить о монголах, то они бежали в Россию чаще и в большем числе, чем русские в Монголию. Число перебежчиков с монгольской стороны резко возрастало в периоды обострения во-

енно-политической обстановки в Халхе, например во время войн с Джунгарским ханством [Чимитдоржиев, 1987. С. 88]. Во второй половине XVIII—начале XIX в. монгольские беглецы объясняли свое стремление переселиться в Россию нежеланием исполнять цинские казенные службы, собственной бедностью, порожденной фискальным гнетом, и произволом действовавших в Халхе китайских торгово-ростовщических компаний. Русская и цинская пограничная стража, несмотря на малочисленность и невысокую дееспособность, все же порой задерживала перебежчиков и возвращала их властям сопредельного государства.

Но вопреки официальным запретам и угрозе уголовных наказаний (особенно жестоких в цинском законодательстве) число незаконных мигрантов не сокращалось. Значительная их часть все же находила способы остаться на новом месте жительства [Чимитдоржиев, 1987. С. 96]. Несомненно, подобная практика шла вразрез с упомянутыми выше положениями межгосударственных договоров, обязывавших как Россию, так и империю Цин возвращать беглецов властям сопредельного государства. Однако официальная администрация, существовавшая в интересующий нас период по обе стороны границы, объективно не могла быть гарантом юридически точного соблюдения подобных правовых норм. Как уже говорилось, пограничные чиновники, во-первых, не располагали объективными возможностями постоянно и на всем протяжении контролировать линию межгосударственных рубежей. Во-вторых, стража, охранявшая межгосударственные рубежи, далеко не всегда отличалась служебным рвением в исполнении своих обязанностей. К тому же и русское, и цинское пограничное начальство без особой необходимости не нарушало обычно довольно мирное течение взаимных административных и экономических связей. Вполне естественным следствием такого положения дел явилась склонность властей обеих держав к компромиссному решению вопросов о перебежчиках. Примером подобного взаимоприемлемого урегулирования проблем незаконной миграции могут служить положения дополнительной статьи к Кяхтинскому договору, согласованные в 1768 г. В этом документе, в частности, было записано, что «все до сего времени между обеими сторонами бывшие старые дела преданы забвению», а «убежавших перебежчиков уже не требовать» [Границы Китая, 2001. С. 94].

Впрочем, очевидно и то, что отношения между русской и цинской пограничной администрацией в интересующей нас сфере на всем протяжении рассматриваемого периода не могли быть и не были абсолютно бесконфликтными. В обстоятельствах, когда бегство подданных на территорию соседнего государства затрагивало существенные интересы одной или обеих сторон, представлявшие их интересы пограничные чиновники требовали от сопредельных властей розыска и возврата беглецов. На практике

подобные требования исполнялись далеко не всегда, и в таких случаях «обиженная» сторона порой не останавливалась перед введением экономических санкций против соседа. Так, с 1785 по 1792 г. цинское правительство прервало кяхтинскую торговлю в связи с отказом русской пограничной администрации выдать перебежчиков из Китая [Границы Китая, 2001. С. 95].

В общем, граница между Россией и Цинской империей в Халхе жила собственной повседневной жизнью, которая зачастую не поддавалась регулированию официальными законоположениями и запретами. В таких условиях эффективность цинской политики, направленной на изоляцию Монголии от внешнего мира, выглядит проблематичной. Интенсивность и разнообразие форм экономических и культурных контактов халхаского населения с русским приграничьем очевидно превышали пределы, установленные цинскими законами, и выходили за рамки ограничений, внесенных в статьи межгосударственных договоров. В связи с этим необходима известная осторожность в оценке встречающихся в литературе суждений о том, что Монголия в XVIII—первой половине XIX в. была одновременно привилегированной и изолированной частью империи Цин [Железняков, 2009. С. 129]. Подобные суждения в общем справедливы в отношении цинских законов, но они не вполне учитывают описанные выше несовпадения их формулировок с реалиями монгольской общественной жизни.

Впрочем, применительно к рассматриваемому периоду речь может идти главным образом о слабости цинской пограничной охраны, но не об общей слабости цинского административного режима в Халхе. Пекинскому правительству вполне удалось лишить монгольскую социальную верхушку тех возможностей к самостоятельному определению политико-правовых форм взаимоотношений Халхи с Рос-

сией, которыми она располагала до маньчжурского завоевания. Именно в таком качестве русско-халхаские связи в XVIII—первой половине XIX в. и составили одну из сфер отношений между Российской империей и Цинским Китаем. В истории Монголии это обстоятельство сыграло принципиально важную роль. Процесс образования и развития Цинской империи, в который была вовлечена и Северная Монголия, совпал по времени с общим ростом военно-политического и экономического потенциала России, следствием чего стало утверждение ее влияния в Сибири, Забайкалье и Приамурье. Тем самым Монголия, не только Северная, но и Южная, в XVIII—первой половине XIX в. постепенно заняла промежуточное геополитическое положение на стыке двух крупнейших держав — России и Китая. С этой точки зрения, включение Халхи в сферу административного контроля цинского правительства явилось показателем текущего соотношения сил, сложившегося на Дальнем Востоке между Российской и Цинской империями. Но характерный для России подход к отношениям с монголами в рассматриваемый период, как, кстати, и впоследствии, отличался от цинского отсутствием в нем возведенного в ранг государственной идеологии стремления к расширению пределов собственной империи за счет монгольских территорий.

В XVIII—первой половине XIX в. Россия в экономическом и военно-политическом отношении развивалась явно быстрее, чем Цинский Китай. Правда, фактор русского влияния в Северной Монголии, отдаленной от административных и хозяйственных центров Российской империи, был еще малозаметен. Однако возможные контуры этого влияния уже проявлялись в контактах между приграничным населением, а также в экономических связях, с течением времени все более активизировавшихся вопреки изоляционистской политике цинских властей.

Использованная литература

- Бичурин, 1828: *Бичурин Н. Я.* Записки о Монголии. Т. 1, 2. СПб., 1828 (*Bichurin N. Ya. Zapiski o Mongolii.* SPb., 1828).
- Бруннерт, Ггельстром, 1910: *Бруннерт И. С., Ггельстром В. В.* Современная политическая организация Китая. Пекин, 1910 (*Brunnert I. S., Ggell'strom V. V. Sovremennaya politicheskaya organizatsiya Kitaya.* Pekin, 1910).
- Границы Китая, 2001: *Границы Китая: история формирования* / Под ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. М., 2001 (*Granitsy Kitaya: istoriya formirovaniya* / Pod red. V. S. Myasnikova i E. D. Stepanova. M., 2001).
- Железняков, 2009: *Железняков А. С.* Монгольский полюс политического устройства мира. М., 2009 (*Zheleznyakov A. S. Mongol'skiy pol'us politicheskogo ustroystva mira.* M., 2009).
- История МНР, 1983: *История Монгольской Народной Республики.* М., 1983 (*Istoriya Mongol'skoi Narodnoi Respubliki.* M., 1983).
- Липовцов, 1828: *Липовцов С. П.* Уложение Китайской палаты внешних сношений. Перевод с маньчжурского. Т. 1, 2. СПб., 1828 (*Lipovtsov S. P. Ulozheniye Kitayskoy palaty vneshnikn snosheniy.* Perevod s man'chzhurskogo. T. 1, 2. SPb., 1828).
- Маланова, 2013: *Маланова А. В.* Роль Кяхтинского градоначальства в развитии русско-китайских и русско-монгольских отношений (1851—1856) // Россия и Монголия на рубеже XIX и XX веков. Экономика, дипломатия, культура: Сб. науч. трудов. Улан-Батор; Иркутск, 2013. (*Malanova A. V. Rol' Kyahtinskogo gradonachal'stva v razvitiy russko-kitayskih i russko-mongol'skih otnosheniy (1851—1856)* // Rossiya i Mongoliya na rubezhe XIX i XX vekov. Ekonomika, diplomatiya, kul'tura: Sbornik nauchnyh trudov. Ulan-Bator; Irkutsk, 2013).
- Мартынов, 1978: *Мартынов А. С.* Статус Тибета в XVII—XVIII вв. в китайской традиционной системе внешне-политических представлений. М., 1978 (*Martynov A. S.*

- Status Tibeta v XVII—XVIII vv. v kitayskoy traditsionnoy sisteme vneshnepoliticheskikh predstavleniy. M., 1978).
- Мясников, 1996: *Мясников В. С.* Договорными статьями утвердили. М., 1996 (*Miyasnikov V. S.* Dogovornymi statyami utverdili. M., 1996).
- Певцов 2015: *Певцов М. В.* Алтай. Монголия. Китай. Тибет: путешествия в Центральной Азии. М., 2015 (*Pevtsov M. V.* Altai. Mongolia. Kitai. Tibet: puteshestviya v Central'noy Azii. M., 2015).
- Позднеев, 1883: *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрих». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы по истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883 (*Pozdnev A. M.* Mongolskaya letopis' «Erdeniyn erikhe». Podlinny tekst s perevodom i pojasneniyami, zakl'uchayuschimi v sebe materialy po istorii Halhi s 1636 po 1736 g. SPb., 1883).
- Россия и Восток, 2000: Россия и Восток: Учебное пособие / Под ред. С. М. Иванова, Б. Н. Мельниченко. СПб., 2000 (*Rossiya i Vostok: Uchebnoye posobie / Pod red. S. M. Ivanova, B. N. Mel'nichenko.* SPb., 2000).
- Русско-китайские отношения в XVIII в., 1978: Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. М., 1978 (*Russko-kitayskiye otnosheniya v XVIII v. Materialy i dokumenty.* M., 1978).
- Старцев, 2004: *Старцев А. В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX—начало XX в.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2004 (*Startsev A. V.* Russkaya torgovlia v Mongolii (vtoraya polovina XIX—nachalo XX v.). Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Barnaul, 2004).
- Хохлов, 1983: *Хохлов А. Н.* История кяхтинской торговли в современной отечественной и зарубежной историографии // Социальное и политическое развитие народов Востока: история и современность: Тез. докл. Иркутск, 1983 (*Khokhlov A. N.* Istoriya khyakhtinskoi torgovli v sovremennoy otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii // Social'noye i politicheskoye razvitie narodov Vostoka: istoriya i sovremennost'. Tezisy dokladov. Irkutsk, 1983).
- Чимитдоржиев, 1987: *Чимитдоржиев Ш. Б.* Россия и Монголия. М., 1987 (*Chimitdorjiev Sh. B.* Rossiya i Mongoliya. M., 1987).
- dörben ayımaу-ün alba tegšitgegsen dangs-a, 1962: *dörben ayımaу-ün alba tegšitgegsen dangs-a* (Реестры, содержащие записи решений относительно уравнивания повинностей между четырьмя аймаками Халхи) / Monumenta historica. T. IV, fasc. 2. Улаанбаатар, 1962 (*dörben ayımaу-ün alba tegšitgegsen dangs-a / Monumenta historica.* T. IV, fasc. 2. Ulaanbaatar, 1962).
- γadaγatu mongγol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyl-ün bicig, 1989: *γadaγatu mongγol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyl-ün bicig* nayıraltu altanorgıl γarγayulju tayılburılıyaba (Уложение Лифаньюань или Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии / Издано под ред. Н. Алтаноргила). Хайлар, 1989 (*γadaγatu mongγol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyl-ün bicig* nayıraltu altanorgıl γarγayulju tayılburılıyaba. Nayilar, 1989).
- sayisiyaltu irügelтү-yin γurbaduγaar on: [начало:] *sayisiyaltu irügelтү-yin γurbaduγaar on-dur...* (Без заглавия. Текст начинается словами: «В 3-м году правления под девизом Цзяцин... Собрание рукописных копий монгольских официальных документов XIX в.). [Б. м., б. г.]. Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского Института восточных рукописей РАН. Монгольский фонд. F-223 ([the beginning:] *sayisiyaltu irügelтү-yin γurbaduγaar on-dur...* Collected copies of Mongolian official manuscripts dated from the XIX century. The Department of Manuscripts and Documents, St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Mongolian Collection. F-223).
- Гонгор, 1964: *Гонгор Д.* Ховдын хураангуй түүх (Краткая история города Кобдо) / Studia historica. T. III. Fasc. 10. Улаанбаатар, 1964 (*Gongor D.* Khovdyn khuraangui tuukh / Studia historica. T. III. Fasc. 10. Ulaanbaatar, 1964).
- Насанбалжир, 1958: *Насанбалжир Ц.* Ар Монголоос Манж Чин улсад залгуулж байсан алба (Налоги и повинности, установленные империей Цин в Северной Монголии). Улаанбаатар, 1958 (*Nasanbaldzhir C.* Ar Mongoloos Mandzh Chin ulsad zalguuldzh baysan alba. Ulaanbaatar, 1958).
- Нацагдорж, 1963: *Нацагдорж Ш.* Халхын түүх (История Халха-Монголии). Улаанбаатар, 1963 (*Nacagdorszh Sh.* Khalkhyn tuukh. Ulaanbaatar, 1963).
- Содномдагва, 1961: *Содномдагва Ц.* Манжийн захиргаанд байсан үеийн Ар Монголын засаг захиргааны зохион байгуулалт (1691—1911) (Административное устройство Северной Монголии в период маньчжурского господства (1691—1911). Улаанбаатар, 1961 (*Sodnomdagva C.* Mandzhin zakhirgaand baysan ueiyn Ar Mongolyn zasag zakhirgaany zokhion baiguulalt (1691—1911). Ulaanbaatar, 1961).
- Шархуу, 1975: *Шархуу Ц.* Хувьсгалын өмнөх Монгол дахь газрын харилцаа: Архивын материалын эмхэтгэл (Земельные отношения в Монголии до революции: Сб. арх. материалов). Улаанбаатар, 1975 (*Sharkhiui C.* (ed.) Khuv'sgalyn onokh Mongol dakh' gazryn khariltsaa. Arkhivyn materialyn emkhetgel. Ulaanbaatar, 1975).
- Мэнгу луйли, 1988: 蒙古律例 回疆则例 / 中国边疆史地资料丛刊. 吕一燃 马大正 主编. 兰州, 1988 (Монгольское уложение. Собрание узаконений относительно Синьцзяна / Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая / Ред. Лу Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988).
- Хуан чао цзинши вэньбянь, 1826: 皇朝经世文编 (Собрание образцовых сочинений, составленных при царствующей династии относительно предметов управления). [Б. м.], 1826.
- Цин дай Лифаньюань цзыляо цзилу, 1988: 康熙朝“大清会典”中的理藩院资料 / 清代理藩院资料辑录 / 中国边疆史地资料丛刊. 吕一燃 马大正 主编. 兰州, 1988 (Материалы по ведомству Лифаньюань в кодексе законов «Дай Цин хуэйдянь» в период правления императора Канси / Сб. материалов Лифаньюань, относящихся к временам правления династии Цин / Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая / Ред. Лу Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988).
- Циньдин Дай Цин хуэйдянь цзэли, 1748: 钦定大清会典则例 (Высочайше утвержденное собрание узаконений к сводам законов Великой империи Цин). [Б. м.], 1748.
- Чжао Юньтянь, 1982: 赵云田. 理藩院 / 清史研究记. 北京, 1982 (*Чжао Юньтянь.* Лифаньюань / Исследования по истории династии Цин. Пекин, 1982).
- Atwood, 2004: *Atwood C. P.* Encyclopedia of Mongolia and Mongolian Empire. New York, 2004.
- Bat-Ochir Bold, 2001: *Bat-Ochir Bold.* Mongolian Nomadic Society: a reconstruction of the 'medieval' history of Mongolia. Richmond; Surrey, 2001.

- Bergholts, 1993: *Bergholts F. W.* The Partition of the Steppe: The Struggle of the Russians, Manchus and the Zungar Mongols for Empire in Central Asia. 1619—1758. New York, 1993.
- Mancall, 1971: *Mancall M.* Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728. Harvard, 1971.
- The Cambridge History of China, 2008: The Cambridge History of China / Ed. by D. Twitchett, J. K. Fairbank. Vol. 9. Cambridge (Mass.), 2008.

A. V. Popov

The administrative regime of the Russian-North Mongolian border in the terms of Qing law (XVIII—first half XIX century)

Principle idea of this article is to characterize legal rules imposed by the authorities of the Qing Empire in the XVIII—first half XIX century in order to establish the administrative regime of the Russian-North (Khalkha) Mongolian border. The author comes to the conclusion that the studied area of the law was formed under the influence of doctrines of establishing administrative power in Mongolia, typical of the Qing political theory and practice during the studied period. An important element of these doctrines was the thesis to isolate Mongolia from external influences for the preservation of the nomadic lifestyle of the Mongols and their traditional military organization, which the Qing rulers were ordained role of one of the pillars of their Imperial power. However, the situation on the Russian-Mongolian border contrasted sharply with the provisions of Qing laws. Qing China failed to create an administrative system that was able to suppress contacts between the population of the Russian and Mongolian border regions, not controlled by official authorities.

Key words: North Mongolia, Russia, the Qing Empire, the Russo-Mongolian relations, the Qing doctrine of establishing administrative power in Mongolia, the border between Russia and Mongolia.